

Анатолий Сигов

МАНХЕТТЕНСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

18+

Анатолий Сигов

Манхэттенский треугольник

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сигов А.

Манхэттенский треугольник / А. Сигов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Если вас использовали? И в течение долгого времени? Ваш талант? Ваши возможности? Вашу жизнь? Те, у которых всё уже и так имеется через край. Что вы сделаете в ответ? И он сделал то же самое. Наказал. Но ресурсы, которыми обладают деньги, не позволяют таким, как он, уходить безнаказанными.

СЕНТЯБРЬ.

Вопросы были привычными: «Кто стал прототипом ваших героев? Как протекает ваш творческий процесс? Каковы ваши планы на будущее?» Конечно, в различных вариациях, но смысл всегда сводился к этим трём, предсказуемым и скучным. Агент, которого к нему привели в издательстве, сразу же дала список вопросов, к которым надо быть готовым, и не ошиблась. Она долго работала в сфере продвижения литературных проектов и знала своё дело. Именно проектов, а не авторов. И неожиданностей в нём не предполагалось. Все роли были заранее распределены, и каждый играл свою в пьесе «Раскрутка литературного проекта». Стандартные вопросы – стандартные ответы. Кто, вообще, читает рецензии на выпускаемые книги в изданиях, подобных тому, в котором он в настоящий момент находился? Ну, может, просматривает пара чокнутых и обиженных на то, что их опусы все отвергают, чтобы возмутиться тем, как подобную графоманию печатают, а их произведения, пронизанные философскими идеями, заполняют соответствующие файлы в компьютерах, без всякой надежды вырваться наружу. И это происходило, по их мнению, из-за нетребовательности издательств, которые думали лишь о прибыли и потакали низким вкусам публики. Он и сам сталкивался с такими, которые приходили на его презентации, чтобы заявить о себе и о своих претензиях.

Ну, а сейчас правила игры предполагали, чтобы он, откинувшись в кресле, с позиции творца отвечал на всё те же стандартные вопросы из списка, который ему вручила его агента Валя. Потом эти ответы будут соответствующим образом препарированы и появятся в двух или трёх параграфах под его портретом в глянцево-журнальном номере годичной давности которых обычно валяются на столиках для клиентов в парикмахерских, автомойках и других подобных заведениях. Напрягаться не требовалось. Заранее заготовленная для подобных случаев фотография имелась, а текст причешут в соответствии с потребностями клиентуры. Согласно сценарию каждый из них двоих играл отведённую ему роль в постановке. И продвижение его проекта проходило не торопясь и в рамках отпущенного на него бюджета.

– С ней проблем не будет, – предупредила его агент Валя, имея в виду интервьюершу.

Его издательство, специализирующееся на фантастике, было хотя и небольшим, но там работали профессионально грамотные сотрудники, которые говорили: «Мы работаем со штучным товаром, а не с массовой, как другие», имея в виду авторов, и они знали своё дело. И действительно. Интервьюерша никуда не рыпалась и вполне профессионально исполняла свою работу. Не в её интересах было выходить за пределы очерченной темы и тем более как-то уколоть автора. Он уже знал, что в словарном запасе Вали выражение «не будет проблем» означало, что несколько купюр из её бюджета на продвижение его первой книги предназначались сотруднице журнала, и в данный момент та их обрабатывала, как могла. Весь бизнес пропитывания литературы или проектов, как теперь модно говорить, строился на подобных взаимоотношениях. Впрочем, как и любой другой бизнес тоже.

Наконец, прозвучал последний вопрос:

– Каким вы видите грядущий мир?

Он взглянул на неё с интересом. Маленькая, кругленькая женщина в незамысловатой одежде и с длинным носом. Но, несомненно, с огромным самомнением. Явно одинокая и обиженная на всех представителей мужского пола. Серая мышка и вдруг интерпретация последнего вопроса в такой форме!

«Надо же! Не ожидал я такого от тебя, пончик!»

Вопрос прямо в тему. И он стал подробно излагать заранее заготовленный текст о будущем с планшетниками вместо книг и учебников, с дивайсами, заменяющими телефон, компьютер и кредитную карту одновременно, с прочей техникой, и как в том электронном мире действуют герои из серии его книг, которую планирует выпустить его издательство. Говорилось легко и свободно. Любимая тема. Специально собирал всю информацию о последних тенденциях в индустрии информационных технологий, чтобы предвидеть пути их дальнейшего

развития. Ну, и, конечно, чтобы создать соответствующий антураж для своих героев, действующих в том самом недалёком будущем. В отличие от своих коллег-фантастов не залезал слишком далеко от настоящего. Именно тем он и выделялся на рынке литературы для любителей книг этого жанра, именно поэтому его и заметили в издательстве среди моря других авторов.

Он мог бы ещё долго говорить на эту тему, но понимал, что только потеряет время, так как этот гляцевый журнал не предполагал размещения подобного объёма информации. Туда требовалось больше картинок, чем слов. Поэтому закрутился к явному удовольствию интервьюирующей его дамы, которая уже стала уставать от его речей. Следуя заведённому ритуалу, заверили друг друга в том, как обоим было приятно пообщаться друг с другом. Она пообещала через два дня представить ему текст для одобрения и визирования. Он – что непременно делает это без задержек. Правда никак не мог вспомнить её имя и отчество, которые забыл тут же после того, как зашёл в офис. Они были записаны на бумажке, которую оставил дома. Но решил, что обойдётся и так. Стал подниматься, чтобы попрощаться, но она не позволила.

– Я вас задержу на одну минутку.

И взялась за телефон.

– Мы закончили, – сказала в трубку и выслушала ответ.

Затем ещё раз извинилась и заговорила на посторонние темы, чтобы потянуть время. Сначала о погоде. Потом о том, какой он находил Москву после стольких лет проведённых в Америке. Слегка удивился, не понимая, что ещё ей от него нужно. Но его программа на сегодняшний день была исчерпана, и он, как мог, старался поддержать разговор. В его положении начинающего автора не полагалось быть высокомерным и следовало уметь подыгрывать партнёрам по пьесе, что он старательно пытался делать с этой женщиной, которая напишет о нём пару абзацев. Метро в это время было забито людьми, возвращающимися с работы, поэтому после интервью планировал пройтись часок по арбатским улицам, чтобы размяться, сравнить, как они изменились по сравнению с теми, которые он помнил по молодым годам, и, конечно же, переждать час пик. Погода стояла великолепная, и грех было не воспользоваться подобной возможностью, если уж его занесло в эту часть города, где на последнем этаже старинного здания располагался офис редакции гламурного журнала.

Время шло, и пустая болтовня стала напрягать. Первое – хотелось побыстрее закончить треп с этой женщиной, которая не вызывала у него никаких эмоций, и вырваться, наконец, на волю. Второе – у него до сих пор иногда возникали проблемы с русским языком во время общения. Всё время приходилось контролировать себя, чтобы не вставлять американизмы, которыми пересыпана речь русских за океаном. А здесь они звучали просто смешно. И это напрягало.

Тут дверь резко открылась и вошла женщина в тёмном, очень деловом для данного времени года костюме. Худощавое лицо, тонкие золотистые очки и очень строгая на вид.

«С комплексами. Не замужем, но кто-то есть», – автоматически подумал он.

Этой игрой он стал развлекать себя в последние годы. Давал краткие характеристики женщинам, и, как правило, не ошибался. Конечно, если имелась возможность проверить свои предположения.

Судя по тому, как резво вскочила на ноги интервьюерша, пожаловала хозяйка. Его агент уже поведала, что журнал издаёт дочь известного на всю страну и за её пределами олигарха. Папа финансирует эту заведомо убыточную затею, чтобы та была при деле. Поэтому тоже пришлось подняться на ноги, чтобы поприветствовать главного издателя, который должен дать добро на то, чтобы его отретушированный портрет появится где-то в конце издания после фотографий топ моделей и поп див в немыслимых нарядах. Ну, и, конечно же, под ним будут помещены несколько абзацев тщательно причёсанного текста с потугами на интеллектуальность. Журналу полагалось освещать все стороны культурной жизни столицы. Хотя он сомневался, что те, кто просматривал подобные журналы, побегут в магазин, чтобы купить его книгу,

но Валя настояла, и он послушно пошёл, так как был только начинающим автором и ещё не успел зазнаться.

– Майя Алексеевна, – почтительно представила её сотрудница журнала.

Его правая рука по американской привычке дёрнулась для рукопожатия, но он вовремя спохватился, вспомнив, что здесь полагалось, чтобы женщина первой проявляла инициативу, а они, как правило, от подобной идеи воздерживались. И не ошибся. Она ограничилась лишь простым: «Здравствуйте!» и безо всяких заверений о том, что ей приятно познакомиться, как это происходило в подобных случаях в Америке.

Кругленькая женщина с жаром заговорила о том, какой интересный материал она подготовит к очередному номеру, а главный редактор в это время с отсутствующим взглядом, стоя, перекладывала с места на место его книжку и фотографию, лежащие на столе. Они её явно не интересовали, и она просто ждала, когда интервьюировавшая его дама выговорится. А он в это время стоял рядом и ждал, что же последует дальше. Наконец, настал его черед.

– Ну, что же! К сожалению, мы в нашем издании, мало уделяли внимание литературе, но постараемся исправить ситуацию.

Так она показала, что всё-таки умеет притворяться любезной и улыбаться, если, конечно, это можно было назвать улыбкой. Хотя в её положении даже этого не требовалось делать. Он был просто гостем, информацию о котором поместят где-то на последней странице журнала. Или просто выкинут за ненужностью, чтобы занять это место кем-нибудь из мира попсы, у которого бюджет на раскрутку в разы превышал те суммы, которые были выделены издательством его агенту Вале.

– Это единственная книга, которая издана?

– Договор подписан на три. А, вообще, они хотят запустить меня в серию. Всё будет зависеть от того, как пойдут продажи первых книг.

– Будем надеяться, что они пойдут хорошо, и мы попросим у вас повторное интервью.

– С удовольствием, если пригласите.

Во время этого обмена дежурными вежливыми репликами ему показалось, что издатель окинула его взором с головы до ног. На тот момент он подумал, что именно так, чисто по-женски, она пыталась определить, хорошо ли пойдут продажи его книг или нет, и внутренне ухмыльнулся от этой мысли.

Но дальше произошло неожиданное.

– Вы не зайдёте ко мне в кабинет? Я не задержу вас надолго.

Повернулась и, не дожидаясь ответа, пошла к двери. Понимала, что никуда он не денется и пойдёт за ней. Он слегка пожал плечами и направился следом. Выходя, успел заметить, какой обиженный вид был у интервьюерши, которую хозяйка не позвала с собой. Только в коридоре сообразил, что не попрощался с ней.

«Не забыть зайти перед уходом!» – приказал он сам себе.

Знал, что не стоит ссориться с «офисным планктоном». Частенько они могут нагадить даже сильнее, чем хозяин.

Её кабинет располагался рядом, и обстановка внутри была не намного уютнее, чем в соседней комнате. По американским стандартам выглядела даже казённой. Там предполагалось развесить на стенах кучу дипломов и фотографий хозяина в костюме бакалавра в толпе точно таких же, как он, новоиспечённых выпускников в чёрных шапочках. И непременно несколько фото домочадцев в рамках на столе. Здесь же всё было стерильно чисто и ничего лишнего, кроме нескольких вышедших номеров журнала.

«Кабинет под стать хозяйке», – пришло на ум.

Она стояла, и он тоже, ожидая, что будет дальше.

– Не хотите ли чего-нибудь?

Но по тону было ясно, что спросила просто из вежливости, надеясь, что ничего не понадобится. А в действительности у него было желание, и он не мог отказать себе в том, чтобы не воспользоваться своим положением гостя.

– Не отказался бы от стакана воды.

Она замерла на секунду, обдумывая то, что услышала, потом подошла к замаскированному в стенке холодильнику и вернулась с бутылкой.

– «Эвиан».

– Спасибо.

Вспомнила и принесла стакан.

Присели. Он сам открыл и не торопясь налил себе пол стакана, а она, безучастно и молча, наблюдала за этой процедурой. Аккуратно причёсанная и непроницаемая деловая женщина, которой от него что-то понадобилось. Он понимал, что иначе его сюда бы не пригласили.

– Андрей Валентинович!

Тон был официальным, и он, не ожидая такого, внутренне напрягся.

– Вам, как начинающему литератору, наверно, было бы интересно познакомиться с теми, кто определяет тенденции на книжном рынке.

Её тон предполагал утверждение некоей бесспорной истины, а совсем не вопрос. А он отхлебнул из стакана и стал ожидать продолжения. Кто может определять тенденции? Разве не читатель со своим рублём?

– Есть один салон, куда собираются и маститые, и пока ещё никому не известные авторы. Приходят издатели, критики. Вам просто необходимо туда попасть. Познакомьтесь с нужными людьми, заведёте необходимые связи!

В этом она была права. Он попал в среду обитания, к которой был совершенно не подготовлен. Плюс просто чувствовал себя в Москве, как в гостях, после стольких лет, проведённых в Америке.

– И что же это за салон?

– Домбровской.

Он даже перестал отхлёбывать воду.

– Это – та самая, у которой все омары в кокаине?

Несколько лет назад на книжном рынке на бульваре в Одессе купил её книжонку вместе с несколькими другими, чтобы было, что почитать в самолёте по пути в Хьюстон, куда русская литература почти не доходила. Тогда вволю мысленно поиздевался над тем, что написала эта дамочка. Но книжка была хорошо оформленной, и он предположил, что хорошо продавалась, судя по её скандальному содержанию.

– У неё вышли ещё два книги, и она обладает определённым влиянием среди издателей.

Чуть не вырвалось: «Я представляю, что в них», но вовремя спохватился. Та, первая, была скандальной для своего времени. Но он уже знал законы рынка: от последующих ждуть ещё большего скандала, иначе скажут: «Одноразовый» и тут же забудут. С момента выхода той первой прошло уже несколько лет, и он не представлял себе ситуацию с Домбровской на сегодняшний день.

– Она – ваша подруга?

– Скажем так – я иногда получаю от неё приглашения, – обошла она эту тему. – Так вы хотите туда попасть?

Валя всегда повторяла, что хороша любая реклама. И самая лучшая – это, когда о тебе везде чешут языками. Вне зависимости от того, что именно говорят. Хорошее или плохое. А самая плохая – это собственный некролог.

– Было бы любопытно на неё посмотреть. Она сама пишет или нанимает «рабов»?

– Вы сами будете иметь возможность спросить у неё об этом, – ответила она холодно. – В субботу в три.

Сказала, как отрезала. Обсуждению не подлежит. Он понял, что аудиенция закончена и стал подниматься.

– Как мы встретимся? Мне за вами заехать?

– Это я за вами заеду.

Показалось, что в её голосе прозвучала насмешка.

– Ровно в три перед главным входом в гостиницу «Украина».

Подумалось:

«Кремень-женщина».

А вслух сказал:

– Спасибо за приглашение!

Потом добавил:

– И за воду тоже.

Проконтролировал себя, чтобы опять по-американски не броситься к ней с протянутой правой рукой, но вдруг она сама проявила инициативу. И неожиданно рукопожатие с её стороны было по-женски мягким.

Приехал заранее и теперь ждал, слоняясь вдоль лестницы, ведущей в гостиницу. Перед поездкой сюда возникли две проблемы. Первая – что надеть. Понимал, что придётся ехать в особняк на Рублёвке, где соберутся неизвестно кто. То, что привёз с собой из Америки, покупалось давно и здесь выглядело, ну, совсем, уж, крестьянским по сравнению с тем, что одевали на себя гости, направляющиеся на пати в Москве. Зашёл в фирменный магазин и прошёлся вдоль стендов. Цены кусались. Один к трём по сравнению с Нью-Йоркскими. Решил для себя, что теперь он входил в плеяду творческих людей, а им, хемингуэям, не пристало обращать внимание на одежду. Обойдётся! Пусть принимают его таким, как есть!

Вторая проблема была сложнее. Ехали к женщине. Поэтому, по идее, предполагались цветы. А вот о том, какие дарят на Рублёвке, он не имел ни малейшего представления. Не хотелось бы выглядеть селом. Поэтому пришлось спросить совета у единственной, кому он мог доверять. Естественно, что у своего агента, приставленного к нему издательством. Когда Валя услышала, куда он собирался направиться, то на какое-то мгновение замолкла, а потом протянула: «Да?» Он напрягся и спросил в трубку:

– А что? Не стоит?

– Нет-нет. Хуже не будет. Поезжайте!

Не понравилась ему реакция своего агента, но тогда подумал:

«А, может, ревнует, потому что не она сама организовала?»

Но всё же поинтересовался:

– Так как же насчёт цветов?

– Цветов? Андрей! Не тратьте деньги! Обойдётся она без ваших цветов.

Уже знал, что Валя – человек циничный, но он всё же был мужчиной, поэтому решил, что лучше было бы спросить об этом у самой Майи Алексеевны и купить букет где-нибудь по дороге. Уж, на Рублёвке-то должен быть соответствующий магазин. В этом у него не было сомнений. Скорее всего, такое удовольствие будет стоить до утра. Но что делать? Маркетинг собственного творчества требует вложений. Как там хозяйка журнала охарактеризовала салон во время их разговора? Определяет тенденции? Прозвучало что-то в этом роде.

Так и не решив для себя ни одной из возникших проблем, как маятник мотался небрежно одетым у подножья монументального здания сталинской эпохи. В очередной раз взглянул на часы. Три ноль пять. Тут его внимание привлёк «Линкольн», заворачивающий к гостинице. Редкая птица на московских просторах. Здесь предпочитают «Мерседесы» и «БМВ». Разглядывая приближающуюся машину, подумал, что и правильно они делают. Что-то необъяснимо

архаичное имелось у американских автомашин представительского класса. Не тянули они за Европой в этом сегменте.

Даже как-то не удивился, когда «Линкольн» подрулил прямо к нему. А он стоял, сунув руки в карманы и не двигаясь, и решал, что делать дальше. Стёкла были затонированы так, что разглядеть, кто находился внутри, не было никакой возможности. Наконец, из передней двери выбрался плотный детина, открыл заднюю и, молча, мотнул головой. Он заглянул внутрь. А там сидела Майя Алексеевна и безразлично глядела в пространство перед собой. По-видимому, не понравилось ей его поведение.

Поместился рядом, и детина захлопнул за ним дверь.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, Андрей Валентинович! – Прозвучал будничным ответ.

Между ними на сиденье лежал букет цветов, причудливо перевязанный цветными ленточками. Кто-то не один час трудился над ним.

Машина тронулась.

– Мне тоже надо купить цветы, – начал он. – Вы знаете...

– Мы уже опаздываем. Подарите этот! От нас двоих.

Её тон не предполагал дискуссий. Взгляд был устремлён в пространство, а он, сидя на сидении рядом, спрашивал себя, как и зачем он оказался втянутым в посещение когда-то одно-моментно скандальной литераторши в компании холодной и далёкой от него женщины. Подумал, а не послать ли всё на хрен и не выйти ли из машины на первом же светофоре. Что он потеряет? Посетители парикмахерских не увидят его портрета в журнале? И что? Пусть разглядывают в её издании заголённых девах и мужиков, с намеренно плохо выбритыми рожами. Но так и не вышел. Не решился. А лимузин, между тем, продолжал своё движение по Кутузовскому проспекту. Впереди двое. Один с массивной шеей, которая не помещалась в ворота рубашки, другой с мощным затылком, который вёл машину. А сзади они, отстранённо глядящие в разные стороны.

Молчание становилось просто неприличным. Но о чём можно было говорить, если впереди сидели двое и слушали в четыре уха?

– Что нам предстоит? – Спросил он, чтобы хотя бы с чего-то начать разговор.

– Будете развлекать больную хозяйку, – последовал ответ.

Прозвучало двусмысленно. Он мысленно представил себе, что это могло означать, и ухмыльнулся про себя.

– Заманчивая перспектива. И надолго она больна?

– Недели на три.

– А потом приступит к написанию нового произведения? В постели с кокаином?

– В постели с новым любовником.

Лимузин в это время сворачивал на Рублёво-Успенское шоссе.

– Не думаю, что такая тема раззадорит современного читателя. Описано в ста различных вариантах и во всех подробностях.

– Ну, будет сто первый. Тиражи делает имя, а не содержание.

Цинично, но верно.

Странное впечатление они производили. Сидели двое взрослых людей и, не глядя друг на друга, перебрасывались ничего не значащими фразами с длительными промежутками между ними. И так с перерывами всю дорогу. Ну, просто, как бывшие супруги после развода. Ещё эти двое впереди. Очень напрягали. Он почувствовал просто физическое облегчение, когда добрались до места, и их путешествие завершилось. Понадеялся, что сможет как-то затеряться внутри, отыграть предназначенную для него роль и благополучно исчезнуть.

Особняк оказался домом довольно старой постройки и поэтому выглядевшим несколько несовременным и запущенным. Он чувствовал себя неловко с огромным букетом в руках, но отступить было поздно. Дверь открыла не очень любезная женщина и пропустила их внутрь.

Позволив Майе Алексеевне пройти первой, проследовал за ней в комнату, где группа людей шумно галдела. На секунду воцарилось молчание. Все разглядывали новичков.

– Майечка! Солнышко! Спасибо, что не забыла.

Это проворковала женщина с ногой в белом валенке, сидящая в кресле, а он в это время оглядел присутствующих и понял, куда попал. Теперь стало спокойнее на душе потому, что не потребуется играть в непонятные для него игры. С такими предстояло лишь быть самим собой.

Настала его очередь заявить о себе, и он возвестил:

– От поклонника вашего таланта.

И положил ненавистный букет на колени хозяйки. Они оглядели друг друга, оценивая.

«Муж сбежал. В лихорадочном поиске. Но вокруг только корыстный молодняк».

Так, по своей выработавшейся привычке, он попытался определить тип женщины, с которой пришлось столкнуться в данный момент. А она явно силилась понять, серьёзно он сказал или просто так. Надо было как-то прервать молчание, которое неприлично затягивалось, поэтому, кивнув на ногу в белом, спросил:

– На лыжах в Альпах?

На дворе стоял сентябрь.

– На собственной лестнице, – почему-то радостно возвестила она, кивнув в сторону.

– Надо же! Это так романтично! Все ломают в Альпах, а кто может похвастаться, что в своём собственном доме? Расскажите мне о ваших ощущениях, когда летели вниз. Я их использую в своём следующем романе.

Она уже с изумлением глядела на него снизу вверх, а остальные с интересом слушали. Наконец, хозяйка обернулась к гостям и возвестила:

– А он мне нравится.

И добавила:

– Наглый.

Представление закончилось, и можно было отойти в сторону. Вернее в тот угол, где располагался стол с напитками. А гости в это время загалдели по-прежнему. Плел себе коньячку в пузатый бокал, потому что без него не представлял себе, как можно выдержать эту компанию. Говорили все разом. Преобладали женщины достаточно солидного возраста, но весьма ухоженные. Их разбавляла пара мужчин. Лицо одного из них с выпученными глазами было отдалённо знакомым. То ли деятель, то ли писатель. А второй, помоложе, своеобразно одетый и в сандалиях на босу ногу, громче всех что-то кричал про национальную идею. Был уже пьян и всё время тряс патлатой головой.

Вокруг Майи Алексеевны тут же закружились две женщины, явно из окололитературных кругов, что-то ей взволнованно втолковывая. А к нему подплыла солидная дама с вопросом:

– Мне сказали, что вы пишете. Ваша фамилия?

Он назвал. Она задумалась, но явно не смогла ничего припомнить.

– Издана первая книга из серии.

– Ах, так! И о чём вы пишете?

– О будущем.

– У! – протянула она, почему-то разочарованно.

– Знаете! Настоящего настолько много, – и он описал бокалом полукруг в сторону присутствующих, – что хочется уйти отсюда в будущее. Извините!

И чтобы избавиться от неё, направился в сторону издательницы журнала. Извинился на этот раз перед окружавшими её женщинами и спросил:

– Вам принести что-нибудь?

Обе дамы почему-то дружно ему разулыбались, а Майя Алексеевна, взглянув на него с благодарностью, сказала:

– Да. Конечно.

И пошла за ним к столику.

– Воду, – сказала она требовательно.

– «Эвиан» здесь отсутствует. Есть только...

– Да, любую.

Но проявить галантность он не успел. К нему с рукой, протянутой для рукопожатия, уже подплывал пучеглазый, которого он заметил раньше. Майю Алексеевну тот просто проигнорировал.

– Дорогой коллега! Слышал, слышал.

И затряс его руку. В левой рюмка. Уже изрядно поддатый.

«Значит свой. Писатель. Не деятель. Только вот как его зовут?»

Майя Алексеевна между тем стала сама наливать себе воду.

– Обязательно прочитаю. Вас Гена издаёт? Классный парень! Я с ним сотрудничал раньше, но сейчас перешёл к Василию. Он хорошо раскрутился и прилично платит.

Он не представлял себе, кто такие Гена с Василием, но усердно кивал, отпивая помаленьку коньяк. А писатель самозабвенно сыпал именами и датами, и было видно, что ему просто требовался слушатель, поэтому он и избрал новичка, который всё снесёт. Спасло лишь появление новых гостей, к которым писатель тут же побежал обниматься. Ловко увернувшись ещё от одной дамы, которая намеревалась с ним пообщаться, выскользнул через раскрытую дверь на террасу. Там очередная женщина что-то втолковывала издательнице, но, увидев его, бросила:

– Я тебе позвоню.

И тактично удалилась, мило улыбнувшись ему, проходя мимо. А он, как смог, ей, хотя это скорее походило на гримасу.

– По-моему я вас вторично спас. Но благодарностей не надо. Просто заберите меня с собой, когда поедете отсюда. Хорошо?

– Ну, почему же? Основные гости ещё не появились. Сегодняшнее мероприятие закончится поздно.

– С меня и этих достаточно. Я их долго не выдержу.

Она пожала плечами и молча пошла внутрь. Он так и не понял, сможет ли выбраться с ней из этого сборища клоунов или нет. А в том, что она вскоре исчезнет, был уверен. Не вписывалась издатель в здешнюю компанию. Так и стоял с бокалом на солнышке, пока на террасу не высыпала толпа, которая уже не помещалась внутри, и не закружилась вокруг него. Если о чём-то спрашивали, то представлялся просто как «литератор» и даже не пытался узнать, кем был его собеседник. Не хотелось забивать себе голову. Не по его части было заводить связи в подобном сообществе. Он этого просто не умел. Да, и не понимал, зачем они ему нужны.

Зашёл внутрь, чтобы добавить себе коньячку. Там говорили все разом, но уже громче. Поискал глазами Майю Алексеевну, но она нигде не просматривалась. Закралась мысль, что уехала и бросила. Он представил себе, сколько запросят за то, чтобы вывести его с Рублёвки хотя бы до ближайшей станции метро. А деньги были проблемой. Первая книжка продавалась хорошо. Даже очень хорошо, как заверили в издательстве. Ему заплатили тощий аванс, но отчисления полагались лишь по результатам трёх месяцев реализации, да они ещё брали сорок пять дней на сбор информации. Так что в ближайший месяц поступлений не предполагалось. А те деньги, которые привёз с собой из Штатов, стремительно таяли.

Застал её в прихожей. Она пыталась надеть пиджак, который оставила там, когда приехали. Как-то странно отводила левую руку, чтобы натянуть рукав, но у неё ничего не получалось. В этот момент увидела его и явно чертыхнулась.

– Помочь?

– Не надо.

Так с пиджаком в руках и прошла мимо, не глядя на него.

«А вот и причина всех комплексов. Ненавидит всех тех, у кого всё в порядке».

Подумал, что обозлилась и бросила его, и теперь предстоит выбираться самому, поэтому стал разыскивать женщину, которая открыла дверь, чтобы узнать у неё телефон такси. А Майя Алексеевна в это время стояла перед хозяйкой, и они явно обменивались любезностями перед тем, как уйти. Наткнулся на её требовательный взгляд и подчинился мысленному приказу. Понял, что его всё же заберут отсюда, поэтому пришлось подойти, чтобы тоже раскланяться. Хозяйка была уже изрядно пьяна.

– Это было незабываемое пати! – попытался изобразить он патетику, повысив тембр голоса на октаву выше. – Так много интересных людей. Буду с нетерпением ждать вашей новой книги.

Хозяйка протянула руки для объятий. Ничего не оставалось, как наклониться, чтобы расцеловаться. Она задержала его, чтобы сказать тихим голосом на ухо:

– Береги Майечку! Она добрая девочка.

Пожелание было загадочным. Берегли её два здоровенных бугая. Присоединиться к ним третьим? А что касается доброты, то на этот счёт у него были большие сомнения. И уж совсем не девочка. Холодная, рациональная женщина. Привезла его только потому, что хозяйка заказала ей очередной интеллектуальный товар для своего салона, и он просто подвернулся ей под руку.

Вышли вместе и застыли возле входа. Там вдоль улицы стояла длинная вереница машин гостей. Разыскивать свою ей не полагалось. Шофера сами должны следить за тем, когда она выходила.

Стояли, молча, и он, как бы разыскивая взглядом машину, смог её рассмотреть. Очень молодежавое лицо. Явно уже подтянутое. Сделанная хирургами грудь под блузкой. Дальше был брючный костюм, скрывающий детали. Пиджак она продолжала держать в руках, а было уже по-вечернему зябко.

– Давайте я вам помогу!

И не дожидаясь ответа, взял у неё из рук пиджак и начал с левой руки, низко опустив рукав, чтобы было удобнее надевать. Потом помог с правым. Она сама его поправила, чтобы получше сидел, и произнесла вместо благодарности:

– Где эта чёртова машина?

Не говоря ни слова, он пошёл вдоль улицы и наткнулся на группу шоферов, которые покуривали в стороне. Те двое, здоровенных, узнали его и поспешно покидали окурки.

– Сейчас подъедут, – сказал, возвратившись. – Всегда приходится передвигаться в сопровождении этих двоих?

Она неопределённо пожала плечами, глядя в сторону. Мол, что? Сам не понимаешь?

– А никогда не хотелось просто надеть джинсы и кроссовки, выйти без сопровождения и погулять по городу? Покататься на речном трамвайчике? Пройтись по Красной площади, по Манежу? Погода великолепная, но скоро закончится.

Она усмехнулась краешком рта.

– Это что? Приглашение?

– А почему бы и нет? Попробуйте! Может быть, вам это больше понравится, чем ездить на сходки шутов в сопровождении двух лбов, у которых рубашки не застёгиваются на шее.

И он кивнул на подъезжающий «Линкольн». Усмехнулся про себя и решил подурачиться:

– Завтра воскресенье. В три часа, – сказал он в пространство прежде, чем они стали забираться на заднее сиденье машины.

На обратном пути разговаривали мало. Единственное, что запомнилось:

- Зря вы постебались над Домбровской. Она злопамятная.
- Завтра забудет. Столько гостей и столько выпито.
- Не скажите! Такое не забывается.
- Привезли его туда же, откуда забрали – к подножью сталинской высотки.
- Благодарю за приятное путешествие! Завтра в три на этом же месте.
- И он стал выбираться из машины. Ответа не последовало.

Теперь опять он стоял перед монументальной гостиницей сталинских времён, но на этот раз на вершине лестницы и уже не изводил себя мыслями об одежде и о цветах. Не тот случай. Решил, что подождёт десять-пятнадцать минут, раз уж схулиганил вчера, а потом сам пройдёт по осенней Москве. Устал. Ночью сидел до трёх и правил текст четвёртой книги из серии, сроки сдачи которой поджимали. Требовалось доказать издательству, что он – дисциплинированный автор, с которым можно сотрудничать.

Глядел на Москву с самого верха лестницы. А она была залита лучами заходящего солнца и издалека выглядела очень привлекательной. Даже сплошные потоки еле передвигающихся машин, которые обычно раздражали, когда находился внутри одной из них, отсюда казались цветными лентами, которые придавали городу колорит.

Боковым зрением заметил, что рядом кто-то стоит. Посмотрел и вздрогнул. Женщина в джинсовом костюме и в больших солнечных очках, с собранными на голове волосами и в бейсбольной кепке. Причём значительно ниже его ростом. На этот раз вместо туфель на высоком каблуке были кроссовки.

- Просто совершенно другой человек.
- Ещё раз окинул её взглядом с ног до головы.
- И мне этот образ нравится. Более человечный на вид.
- Она неопределённо пожала плечами.
- Вот стою и люблю. Никогда не видел Москву с этой точки.
- Она продолжала молчать, глядя в ту же сторону.
- «Нелегко мне с ней придётся».
- А вслух сказал:
- Ну, что же! Начнём наше путешествие.

Первый час на речном трамвайчике прошёл напряжённо. Трудно было отыскать темы для беседы. Поэтому иногда замирали и, молча, глядели на проплывающие мимо городские пейзажи. Кроме того, мешала шумная, пьяная компания провинциальной молодёжи, которая приехала оттянуться в столице. Второй час на Красной площади уже давался легче. Он рассказывал, как студентом гулял здесь с девушками, а она призналась, что впервые целовалась с молодым человеком на Бородинском мосту. Он – что никогда не мог представить себе, что через столько лет и через столько стран вернётся сюда, чтобы опять гулять по этой площади с женщиной. Она – что за последние десять лет впервые вырвалась без охраны, чтобы просто побродить по городу с мужчиной. На Манеже разговор уже протекал вполне гладко. Единственное, чего он никак не мог понять, настало ли время расстаться с официальным обращением по имени и отчеству или нет. Всё-таки некий барьер между ними продолжал существовать. Поэтому просто избегал обращений. И она тоже. Самый простой способ избавиться от подобного неудобства – это за столом. Поэтому на Камергерском предложил присесть и отдохнуть. Устроились за столиком на улице. Он предложил выпить вина, она предпочла воду. Хмурая официантка осталась весьма недовольной подобным скромным заказом и наказала их тем, что пришлось долго ожидать напитков.

– Знаете! Я уже отвык и вздрагиваю, когда слышу своё отчество. Как будто не ко мне обращаются. Да и язык начинает заплетаться, пока выговоришь чьё-либо имя и отчество. А в

Америке даже соседские дети называют восьмидесятилетнего старичка – Джоном. Я предлагаю перейти на американскую манеру общения. Думаю, что нам обоим так будет легче.

– Ну, что же. На сегодняшний день согласна.

Непонятным осталось, а как в другие дни. Или их просто не предполагалось?

Теперь беседа стала протекать ещё легче. Он рассказал о сюжетах своих книг. Казалось, что она заинтересованно слушала. Даже спросила, почему он решил писать. Хорошо, что не добавила «в таком возрасте», хотя, может быть, и подумала. А он и сам не знал. Когда дела пошли наперекосяк, однажды ночью проснулся в четыре утра, и в голове уже был сюжет. С утра взял и написал первую страницу, потом ещё несколько. Перечитал и исправил. Потом ещё раз и причесал текст, сократив длинноты. В последний раз прочитал и самому понравилось. И по мере того, как дела шли всё хуже и хуже, а трещина в семейной жизни становилась всё шире и шире, погружался в пучину сочинительства, чтобы уйти от проблем реальной жизни. Там он управлял событиями, а здесь нет. И странно. Сюжеты он продолжал черпать в четыре часа поутру. Просыпался среди ночи и знал, что напишет с утра. Как будто кто-то посторонний закладывал их у него в мозг.

– Подсоединились к соответствующему эгрегору, – безапелляционно заявила она.

Она, как и все в Москве, верила в какие-то восточные сказки. Хотя и не понял, к кому он подсоединился, но возражать не стал. Знал, что это бесполезно.

– А как вы пробились? Это же совсем не просто.

Тут тоже было много странностей. Как все начинающие, стал рассылать материал по электронной почте в издательства, но понял, что там просто никто не читает массу приходящих текстов, которые назывались у них «самотёком». Стал размещать свои произведения в литературных порталах, и к его удивлению заметили. Так появился первый договор с издательством, конечно, не из первой тройки, но всё-таки. Лучше, чем ничего. А с ним и приглашение в Москву, чтобы поучаствовал в компании по продвижению и даже подписывать экземпляры своей первой книги во время Московской книжной ярмарки. Было ощущение, что всё это происходило не с ним, а с кем-то другим. И, уж, сколько раз убеждал себя раньше, что книга умерла, и сейчас все читают бесплатные электронные издания, но испытывал просто какие-то трепетные чувства, когда впервые держал в руках изданный бумажный экземпляр. Как будто это был его ребёнок.

Бокалы были пусты и заказали ещё.

Он поинтересовался, как ей пришла в голову идея издавать журнал.

– Надо же было чем-то заняться.

– Не тяготит?

Неопределённое пожатие плечами.

– А я к сочинительству шёл всю жизнь. Чем только не приходилось заниматься! Но чувствовал, что всё это было не моё. И только теперь стал понимать: вот оно – моё дело. Обидно. Столько времени пропало зря!

– Может быть, и нет. Всему своё время.

И тут, наверное, она была права. Лет десять-двадцать назад вряд ли написал бы что-либо подобное. Тогда просто не существовали многие вещи, которые кажутся обыденными сейчас, и можно было только догадываться, как жизнь изменится ещё через десять лет. Вот на этих догадках и строились сюжеты его произведений.

Помолчали немного.

– А теперь расскажите мне о вашем журнале, – предложил он.

– Издаёмся. Ходим на презентации. Снимаем. Берём интервью. Описываем на чём надо ездить, как худеть, что надевать.

– Ну, ещё и тусовки с теми, кто делает тренд, как вчерашняя?

– Конечно. Без них нельзя. Как по другому можно показать, что мы всё ещё наплаву?

Разговор опять замер. Не хотела она рассказывать о себе. Явно не хотела. А может быть, потому, что это – тоже не её? Как-то не подходила она для гляцевых журналов. Слишком строгой и отстранённой казалась. Как ему казалось, там должны работать люди совсем иного плана.

– Знаете! Я иногда думаю, что зря я когда-то сорвался и умотал отсюда. Здесь интереснее. А туда надо ехать, когда тебе пятнадцать лет. Мы все там чужие. Даже в Нью-Йорке, куда собрался народ со всего мира. Что уж говорить о Техасе, где я жил. Менталитет, ощущение мира, всё иное. Хотя с другой стороны мой сын должен жить в Америке. Там надёжнее. А история России неисповедима. Периоды стабильности обязательно сменяются такими турбулентностями, каких нет ни в одной стране мира.

Чтобы как-то её разговорить, спросил:

– А вы бывали в Америке?

– Собираюсь. Наверное, через месяц.

Из Интернета знал, что у отца были проблемы с визой. В период первоначального накопления капитала отчислял бандюганам и пользовался их услугами, чтобы подвинуть конкурентов. Это было нормально здесь, но не прошло незамеченным там. Означает ли поездка, что проблемы закончились?

– С семьёй или одна?

Она странно взглянула на него.

– Одна.

– Традиционный маршрут? Нью-Йорк и Лос Анжелес?

– Хочу ещё заехать на Ниагарский водопад.

– Знаете? Америка большая, а смотреть там, по большому счёту, нечего. Это – не Европа.

И стал рассказывать о Нью-Йорке. Огромный, грязноватый, забитый шушерой, собравшейся со всего мира, но что-то в нём есть. Какая-то необъяснимая мощь, которая притягивала. Недаром, сам, когда всё пошло прахом в Хьюстоне, направился не куда-нибудь, а в этот город.

– Ну, вам, наверное, неоднократно рассказывали об этом городе. Не интересно слушать об одном и том же.

– Нет. С вами ...

Она подбирала подходящее слово.

– ...спокойно. Без напряжения. Вы рассудительный. Ну, прямо, как мой отец. Очень на него похожи.

Он мысленно припомнил его фотографию в Интернете. По-видимому, это отразилось у него на лице, поэтому она решила разьяснить:

– Та же манера говорить, те же выражения. Например, «сходка шутов». Я даже вздрогнула вчера.

А он подумал:

«А вот и ещё одна причина зажатости».

Не мог вспомнить, как назывался этот синдром, когда девочка влюбляется в своего отца, и, повзрослев, начинает всех мужчин сравнивать с ним, и это сравнение всегда не их пользу. Подобный конфликт описан в различных вариантах в литературе.

Решил отшутиться:

– Обидные вещи говорите. Мужчина, который не создаёт напряжения для женщины. Кому может понравиться подобный образ?

– Что? И вы туда же? – Уже со смехом спросила она.

– Ну, – неопределённо протянул. – Жениться не буду предлагать, но образ папы мне совсем не соответствует. Поверьте в это!

– Спасибо хотя бы за это. А то просто задолбали.

Она уже откровенно веселилась.

– Постоянно создают напряжение. Ну, вот только жениться, и всё тут. Ну, никак не меньше.

Здесь она могла быть спокойной. Напряжение он не создаст. В его полтинник с плюсом и в её тридцать с чем-то, да ещё с таким папашей подобный вариант не мог рассматриваться даже теоретически.

– Только относитесь ко мне, как к мужчине! Хорошо? На образ вашего отца я как-то не тяну.

По выражению её лица было видно, что она собиралась ответить что-то шутовское, но из сумки раздались мелодичные звуки. Телефон звонил и раньше, но по-другому, и тогда она не отвечала. А этот, очевидно, был иным, потому что её словно подменили. Веселье пропало. Она стала копаться в сумке и уже зло смотреть на него. Он всё понял.

– Мне пора помыть руки.

И ушёл, оставив её один на один с очередным чудом техники.

Когда вернулся, атмосфера была уже совсем иной.

– Вычислили?

Она, молча, кивнула головой.

– Устроили разнос?

– Не то слово.

И вздохнула.

– Мне надо уходить. Они скоро приедут.

Он расплатился, и, не говоря друг другу ни слова, они пошли по направлению к памятнику Пушкину. По пути подумал, что и сам собирался где-нибудь через месяц поехать в Америку, чтобы повидаться с сыном. К этому времени должны заплатить отчисления за первую книжку и, дай бог, аванс за вторую и, может быть, за третью. И билеты в это время уже будут не слишком дорогими.

– Хотите, чтобы я вам показал Нью-Йорк? Или вас там будут плотно опекать потенциальные женихи?

– Не будет там никого. Я их всех оставлю здесь.

– Так хотите? До Лос Анжелеса не доберусь, а в Нью-Йорке смогу побыть несколько дней, а потом поеду по своим делам в Оклахому.

Она всё ещё раздумывала.

– Не знаю. Может быть.

Пушкин уже был совсем рядом, и она остановилась.

– Знаете, Андрей! Вам лучше дальше не ходить. Хорошо?

Она впервые назвала его по имени.

– Я – человек, который не создаёт проблем. Вы это знаете. Как я услышу от вас о Нью-Йорке?

– Позвоните в редакцию и представьтесь, кто вы. Ну, а сейчас мне надо идти.

И не прощаясь, быстрым шагом пошла вверх по улице.

ОКТАБРЬ.

Осень в Нью-Йорке самое приятное время года. Весна быстро проходит и наступает жара, а с ней и духота. А тёплые и солнечные деньки осени продолжают почти до самого Дня благодарения, и только потом задувают ветры с Гудзона и приносят с собой холод и сырость.

Прошлая ночь была ветреной, и все тротуары и машины у обочин были засыпаны огромными жёлтыми листьями, сорванными с деревьев. Через белую мглу пробивалось солнце, причудливо отражаясь от огромных поверхностей небоскрёбов Манхэттена. А он брёл по улицам, поглядывая на знакомые городские пейзажи и не понимая, почему он так стремился в Нью-Йорк. Шумный, грязноватый, с массой проблем. Населённый выходцами со всех концов света,

и надо сказать, не лучшими представителями рода человеческого. Но есть в городе необъяснимая динамика, притягивающая людей. И его тоже.

Прилетел днём раньше, и сегодняшний день решил использовать, чтобы приодеться. В Москве не мог позволить себе подобного удовольствия. Цены там зашкаливали по сравнению с Нью-Йорком, а платили начинающим авторам совсем скудно. С такими гонорарами было не до покупок одежды. К тому же не хотелось лететь с ней в одном самолёте, где она размещалась явно не в туристическом классе, как он сам. И только вечером собирался позвонить Майе в гостиницу. Всё же оставались сомнения, а правильно ли он сделал, ввязавшись в приключение с такой женщиной.

После той прогулки по Москве виделись всего два раза. Он позвонил и только с третьего раза застал её в офисе. Понимая, что прогулки больше не состоятся, пригласил на чашку кофе. Она сослалась на занятость и позвала с собой на открытие выставки в галерее Гельмана. Он пришёл только из-за того, что мероприятие происходило днём, и предположил, что контингент там будет творческий. Но не угадал и застал в зале, в основном, разряженных и благоухающих дам, охающих и ахающих по любому поводу, и в особенности от того, что они там повстречали друг друга. Ну, и ещё несколько упитанных мужичков, которые, собравшись в кружок, гуторили о чём-то своём. На произведения искусства мало кто обращал внимания. Майя сразу же оставила его и пошла по периметру галереи, где её останавливали, учтиво приветствовали и что-то ей говорили. А он, в отличие от других собравшихся, попытался рассматривать развешенные на стенах картины. Они, как и имена их авторов, ни о чём ему не говорили, и его интерес к живописному творчеству быстро иссяк. Спасло от скуки лишь то, что Майя быстро завершила круг и, пробравшись к Гельману, поприветствовала его и направилась к выходу. Он присоединился к ней, и входящая в это время компания, проходя мимо, с интересом окинула его взором. Мол, кто это такой с Майей?

Во время этой встречи она и сказала ему дату вылета.

– Вам по-прежнему нужен экскурсовод по Нью-Йорку?

Он попытался быть шутливым.

– Партнёр по осмотру местных достопримечательностей – да. А экскурсовод – нет.

А она была серьёзной, поэтому пришлось перейти на её манеру разговора:

– Согласен с подобным статусом. Он меня больше устраивает. В этом случае летим?

– Летим, – подтвердила она, но бесстрастным голосом.

После галереи он и поехал заказывать свой билет, так до конца не понимая свою роль в поездке и то, зачем он, вообще, в неё вписался. Но в любом случае требовалось попасть в Оклахому, чтобы повидаться с сыном, которого не видел уже год, и пару дней в Нью-Йорке он мог бы себе позволить. Его издательство раскошело, и кое-что накопало на его банковский счёт.

Потом ещё раз застал её по телефону и убедился, что ничего не изменилось, и она полетит. От встречи отказалась, но пригласила с собой на презентацию нового ресторана, что отверг он. Вечернего костюма у него просто не было. Уж, там-то его одежда творческого человека точно не пройдёт.

Его издательство запланировало встречу с читателями в книжном магазине. Агент Валя сказала, чтобы привёл как можно больше своих для массовки и распределил между ними вопросы к автору. Так все делают. Своих у него в Москве никого не было. Родители пожилые и жили далеко от центра. Он позвонил и пригласил Майю, которая к его удивлению пришла и даже привела с собой фотографа. Она поместилась в первом ряду и по их предварительной договорённости задала вопрос, на который у него был заранее подготовлен пространственный ответ. И с улыбочкой на лице наблюдала, как он наговаривал по памяти то, что было написано на бумажке днём ранее. Валя была озадачена появлением ещё одного фотографа помимо издательского. Тот солидно поведал, что он фрилансер и работает для различных клиентов, что

добавило ей уважения к автору. А книги действительно хорошо продавались, в зале, к его удивлению, набралось человек двадцать, и пришлось отвечать на совсем неожиданные вопросы.

После окончания они с Майей прошли в кафе при магазине и сели в уголке. Он ещё не остыл после состоявшегося мероприятия, а она стала посмеиваться над его ответом на чей-то вопрос, читал ли он автора, фамилию которого никогда не слышал. Пришлось грубовато ответить, что он ещё не всего Толстого перечитал, и она похвалила его за находчивость. Держалась на удивление свободно и приветливо. Никак не ожидал от неё такого. Это было последним камешком, который лёг на весы для решения вопроса – ехать с ней в Нью-Йорк или нет.

Заговорили о поездке. Она категорически заявила, что встречать в аэропорту не требуется. Туда приедут какие-то партнёры отца, а позвонить в гостиницу он может. Называлась она «Четыре времени года». Ему было знакомо это название. Нехилое местечко. Теперь у него появилась хотя бы какая-то определённая уверенность в отношении собственных планов пребывания в Америке, и можно было выкупать билет.

– Ужин в Маленькой Италии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.